

ЗПЧ 6-32

А
Н
Ч

ЭБ

Н

Ч
Н

У 396
134

ЗОГ-1-32

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОД.

Согиене сбъ устройствъ армий и образѣ
введенія въйны въ наше времѧ

Барона Колльмара ф. д. Гольцъ,

Подполковника Королевско-прусскої службы.

Переводъ съ нѣмецкаго К. А. Есаулова

подъ редакціей Я. Я. Зандера.

„Судьба государствъ похожа на человѣческую жизнь: они возникаютъ, растутъ, процвѣтаютъ, приходятъ въ упадокъ и перестаютъ существовать“.

Ф. ф. д. Деккенъ.—Изслѣдованіе зависимости состоянія военнаго дѣла отъ цѣли государства.

Ганноверъ. 1800 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).

1886.

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОДЪ.

Часто одинаково трудно найти подходящее заглавие, какъ и написать книгу.

Предо мною лежитъ совершенно оконченное сочиненіе, которое я долженъ какъ-нибудь окрестить. Это не тактика, не стратегія, не систематическое ученіе о войнѣ, и я, положительно, нахожусь въ недоумѣніи, какъ его назвать. Должно быть найдено такое заглавіе, которое точно объясняло бы содержаніе сочиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обѣщало бы болѣе того, что въ немъ предлагается.

Въ этомъ сочиненіи идетъ рѣчь о вооруженномъ народѣ; къ вооруженному народу обращается моя книга,— такъ пусть же она и носитъ это название.

Вооруженный народъ! — выраженіе поэтическое и слово величественное, сказанное въ серьезное время.

„Прусская армія станетъ въ будущемъ и вооруженнымъ прусскимъ народомъ“

Такъ гласилъ завѣтъ нашего короля въ его тронной рѣчи 12-го января 1860 года. Съ тѣхъ поръ эти слова вполнѣ исполнились, оправдались въ трехъ большихъ войнахъ и стали лозунгомъ развитія армій нашего времени. Этимъ арміямъ посвящается мое сочиненіе, и оно должно способствовать тому, чтобы выраженіе „Вооруженный народъ“ нашло вѣрное пониманіе во всѣхъ германскихъ сердцахъ.

Фриденау, близъ Берлина.

Май 1883 г.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе этой книги понадобилось гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Быдучи призванъ къ совершенно новому кругу обязанностей, потребовавшихъ напряженія всѣхъ моихъ силъ и отвлекшихъ мои мысли отъ только-что оконченного сочиненія, я не могъ привести въ исполненіе моихъ предположеній: пѣкоторые отдѣлы переработать, а другіе расширить. Только немногія, указанныя критикой, неточности исправлены; въ остальномъ же текстъ долженъ быть оставаться безъ перемѣны, дабы не затянуть печатанія нового изданія на неопределеннное время. Прошу покорнѣйше, принявъ вышесказанное во вниманіе, оказать второму изданію такой же благосклонный и енисходительный приемъ, какъ и первому.

Авторъ.

Константинополь.
Ноябрь 1883 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Точно также и третье изданіе должно было выйти въ свѣтъ безъ существенныхъ измѣненій и представлять простое перепечатаніе второго изданія, такъ какъ только немногія фразы и слова подверглись исправленію.

Поэтому я позволю себѣ и на этотъ разъ обратиться къ благосклонному читателю съ просьбой, изложенной въ концѣ предисловія ко второму изданію.

Авторъ.

Константинополь.
Октябрь 1884 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	1
I. СОВРЕМЕННАЯ АРМИЯ	6
1. Право современныхъ народныхъ армий на существование	—
2. Зависимость образа ведения войны и военной системы отъ общаго состояния культуры. Исторический обзоръ	11
3. Составная части армии	23
4. Раздѣление войскъ на части	28
5. Корпусъ офицеровъ	45
II. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ	55
1. О полководцахъ	—
2. Главныя квартиры, штабы и управление	79
3. Отдача приказаний	100
III. УСЛОВИЯ УСПѢХА НА ВОЙНѢ	131
IV. ДВИЖЕНИЕ И БОЙ	145
1. Вступление	—
2. Значеніе дисциплины для движений и боя	155
3. Стратегическое развертываніе армий	163
4. Шансъ кампаний	176
5. Свѣдѣнія о непрѣятельѣ и разведывательная служба	190
6. Марши, перевозка войскъ и размѣщеніе ихъ на отдыхѣ	207
7. Атака и оборона	241
8. Раздѣление, соединеніе и маневрированіе	261
9. Бой	289
10. Битва	312
11. Преслѣдованіе, пользованіе побѣдою, отступленіе	340
12. Связь и послѣдовательность въ движении и боѣ. Законъ необходимости	353
13. Рѣшимость, упорство, инициатива, самостоятельность и произволъ	359
14. Особая условія, вліяющія на движение и бой	371
15. Вліяніе крѣпостей	380
16. Дессанты	396
V. ДОВОЛЬСТВІЕ И ПОПОЛНЕНИЕ АРМІЙ ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ	400
VI. ДОСТИЖЕНИЕ ЦѢЛИ ВОЙНЫ	428
VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	435

ВВЕДЕНИЕ.

Военный писатель, задумавший написать послѣ Клаузевица что-либо о войнѣ, подвергается опасности походить на поэта, пытающагося послѣ Гёте создать Фауста или послѣ Шекспира—Гамлета. Все, что можетъ быть сказано существенаго о войнѣ, мы находимъ въ унаслѣдованныхъ нами произведеніяхъ этого величайшаго военного мыслителя. Если самъ Клаузевицъ и считаетъ свое сочиненіе „О войнѣ“ (*Vom Kriege*) чѣмъ-то неоконченнымъ, то это надо понимать лишь въ томъ смыслѣ, что и онъ, какъ всѣ смертные, не избѣгъ общей участіи сознавать, насколько достигнутое осталось далеко позади идеала, носившагося передъ его душой. Для насъ же, не знающихъ его идеала, произведенія его кажется совершенствомъ.

Поэтому я оставилъ всякое намѣреніе сказать что-либо новое о военномъ искусствѣ и о войнѣ вообще и ограничился только тѣмъ, что обратилъ свое вниманіе на образъ веденія войны въ наше время. Эта книга написана только для настоящаго времени.

Хотя бы основные законы войны и были вѣчны, но явленія, съ которыми война имѣеть дѣло и съ которыми она должна считаться, подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Война, какъ одинъ изъ актовъ человѣческихъ отношеній, участвуетъ своею виѣшнею формою во всѣхъ превращеніяхъ, которыхъ претерпѣваютъ эти отношенія. Желѣзныя дороги и телеграфы, указавшіе торговлѣ новые пути, открыли также и для веденія войны новыя средства, до сихъ поръ бывшія недоступными. Техника, давшая промышленности болѣе совершенныя машины, дала и солдату новое оружіе, съ которымъ онъ производить дѣйствія, и не снivшіяся его предкамъ.

Поэтому законы военного искусства находятъ себѣ постоянно измѣняющееся приложеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что каждая эпоха имѣеть свое, отличное отъ другихъ, военное искусство

и что образъ веденія войны, приведшій настъ къ побѣдѣ въ 1870-мъ году, уже нынѣ, спустя какихъ-нибудь десять лѣтъ съ небольшимъ, не можетъ служить прямымъ образчикомъ для будущаго времени. Новыя условія являются въ настоящее время и заставляютъ настъ изыскивать новыя средства.

Въ послѣдніе годы всѣ великия державы европейскаго материка стремились увеличить свои вооруженные силы.

Въ однихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи и Россіи, приступили къ кореннымъ преобразованіямъ воинской системы, въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, обращено вниманіе, чтобы, при существующей уже системѣ, имѣть какъ можно болѣе средствъ для полевой войны.

Послѣднія войны представляютъ пять большихъ сраженій: Кениггрецъ, Вертъ, Віонвиль, С. Прива, Седанъ. Даже то, что въ нихъ еще только развивалось, приметь въ будущемъ грандіозные размѣры. При Кениггрецѣ участвовала въ сраженіи почти вся полевая армія, присутствовавшая на богемскомъ театрѣ войны; при С. Прива—нѣсколько болѣе половины. Примѣння это къ современнымъ условіямъ, мы увидимъ, что возможны такія громадныя сраженія, въ которыхъ на одномъ избранномъ пунктѣ 10—15 корпусовъ, подъ единоличнымъ командованіемъ, противостоятъ столь-же сильному непріятелю. Вотъ размѣры, которые въ повѣйшее время далеко не нашли еще примѣненія. Легко понять, какое вліяніе должны имѣть подобные размѣры армій какъ на продовольствіе и передвиженіе ихъ, такъ и на способъ управлѣнія ими.

Франція дала намъ первый примѣръ искусственнаго подготовленія театра войны. Этотъ примѣръ пока единственный, за малыми исключеніями, не заслуживающими вниманія. Но, прежде всего, это не исключаетъ подражанія другихъ государствъ, географическое очертаніе которыхъ допускаетъ это, и, далѣе, вліяніе этого вопроса становится уже чувствительнымъ. До сихъ поръ теорія осадной войны составляла совершенно отдельную, обособленную тему. Въ настоящее время всюду пробуждается мысль объ установлении болѣе тѣсной связи между осадной и полевой войной и о болѣе частомъ примѣненіи въ этой послѣдней поле-

выхъ укрѣпленій; даже нападающему усердно совѣтуютъ прибѣгать къ лопатѣ.

Въ то время, какъ эти средства приносятъ пользу пѣхотѣ, защитники кавалеріи утверждаютъ, что въ будущемъ ихъ роду оружія, при усиленной выработкѣ свойствъ человѣка и лошади и посредствомъ новыхъ формъ строя при его употреблѣніи, предстоитъ на полѣ сраженія болѣе дѣятельная роль, нежели въ послѣднія войны. Подобное мнѣніе, конечно, не можетъ быть оставлено безъ вниманія.

Не менѣе подлежитъ изслѣдованію и послѣднее новое явленіе. Явленіе это заключается въ томъ, что въ пѣхотѣ устанавливается правило—не предоставлять болѣе въ бою отдѣльныхъ стрѣлковъ ихъ личному усмотрѣнію, а подчинять дѣйствія болѣе или менѣе значительного числа ихъ непосредственному руководству ближайшихъ начальниковъ, чтобы употреблять ихъ ружья, какъ машину, прислуживающую многими людьми.

Далѣе, дѣйствіе отдѣльного ружья значительно увеличилось.

Со времени Франкфуртскаго мира преимущественно этотъ фактъ занималъ военныхъ мыслителей. Значительная часть военной литературы истекшаго десятилѣтія посвящена вопросамъ, связаннымъ съ увеличеніемъ силы огня пѣхоты. Значеніе этой силы преувеличено. Вопросъ этотъ, бывшій еще совсѣмъ новымъ въ началѣ кампаніи 1870 года, уже въ теченіе ея получилъ окончательное практическое разрѣшеніе. Къ концу кампаніи германскія арміи приспособились уже очень хорошо къ большей дальности и мѣткости новаго огнестрѣльного оружія. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство, въ виду воспоминаній о тяжелыхъ потеряхъ, почти исключительно приковало къ себѣ изысканія нашихъ военныхъ.

Менѣе внимательно отнеслись къ вліянію, которое эти новые явленія оказываютъ на военное искусство. Только въ послѣднее время сущность военного искусства вообще вновь стала предметомъ тщательнаго разсмотрѣнія съ философской точки зренія. Поэтому я надѣюсь на снисхожденіе за эту попытку. Она, прежде всего, имѣть цѣлью обратить на *веденіе войскъ* (стратегія) то большее вниманіе, которое до сихъ поръ исключительно было посвящено *веденію боя* (тактика).

Отдѣльныя главы моего сочиненія будутъ для военныхъ не новы и давно извѣстны, но я, все-таки, смѣю думать, что, быть можетъ, систематическое собраніе всего материала принесетъ иѣ-которую пользу; къ тому же книга эта предназначается для распространенія ясныхъ понятій о сущности войны и вѣк круга военныхъ людей. Желаніе ближе познакомиться съ этимъ высказывается уже давно, и *пониманіе природы войны составляетъ не маловажное условіе къ способности народа къ войнѣ.*

Нѣкогда настанетъ день, въ который господствующія теперь на войнѣ явленія исчезнутъ; формы, способы употребленія и взгляды опять перемѣнятся; предчувствуется то время, когда миллионная армія настоящаго времени также сыграютъ свою роль. Явится новый Александръ, который съ маленькой горстью превосходно вооруженныхъ и обученныхъ людей прогонитъ эти безсильныя массы, если онъ, въ своемъ стремлѣніи постоянно увеличиваться, перейдутъ границы, потеряютъ внутреннюю способность и, какъ китайскіе воины зеленаго знамени, обратятся въ многочисленную, но миролюбивую толпу мѣщанъ.

Понятно, что тогда уничтожится все то, что теперь говорится обѣ употребленіи войсковыхъ массъ. Но до этой поворотной точки еще далеко, и развитіе народныхъ армій находится еще въ восходящемъ періодѣ. Послѣдующія разсужденія основаны на существованіи этихъ народныхъ армій. Простому смертному, который имѣеть дѣло съ повседневною жизнью, не слѣдуетъ витать въ безпредѣльномъ будущемъ; иначе, въ своихъ стараніяхъ опередить свое время, онъ рискуетъ, что его трудъ потеряетъ свою цѣнность для современниковъ.

Театромъ войны я предполагаю вообще культурную мѣстность средней Европы, такъ какъ война въ азіатскихъ степяхъ и въ африканскихъ тропическихъ странахъ принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Германіи, Франціи, Италии и т. д. Только на окружающее насъ мы обращаемъ свое вниманіе ¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, кстати, что иѣкоторая часть послѣдующихъ разсужденій заимствована изъ сочиненій, появившихся за иѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ нашихъ первыхъ беллетристическихъ журналовъ.

Я считаю себя избавленнымъ отъ обязанности начинать съ объясненій первоначальныхъ понятій, которыя въ военныхъ наукахъ занимаютъ значительную часть ихъ. Сочиненіе, подобное моему, стремится обыкновенно разъяснить, что такое война, что такое стратегія, что такое тактика и проч. или, выражаясь по нѣмецки,—что принадлежитъ къ наукѣ о войнѣ вообще (Kriegskunde) и что къ наукѣ о боѣ (Gefechtskunde).

Часто сочинитель прибавляетъ къ старымъ названіямъ еще новые для обозначенія найденныхъ имъ понятій; это совершенно бесполезно. Если бы я для примѣра выписалъ изъ моего словаря: „Война есть кровавая борьба двухъ народовъ или политическихъ партій, изъ которыхъ одна сторона хочетъ навязать свою волю другой, въ свою очередь противящейся этому“, то этимъ я не скажу ничего новаго. Поэтому всѣ подобные понятія я предполагаю или известными, или избѣгаю тѣхъ, которыя нуждаются въ особомъ разъясненіи. На войнѣ приходится иметь дѣло съ простѣйшими вещами—съ людьми, лошадьми, оружиемъ, дорогами и т. п.; поэтому и говорить объ ней можно самымъ простѣйшимъ образомъ и разъяснить все необходимое безъ искусственныхъ словосочетаній. Миѳніе Шопенгауера, говорившаго: „Было бы хорошо, если бы нѣмецкие писатели мыслили, какъ великие геніи, а выражались бы, какъ простые смертные“, относится и къ военнымъ писателямъ.

* * *

Наконецъ, миѣ кажется безполезнымъ логически развивать съ самыхъ началъ все сказанное. Очень часто послѣ самого долгаго, тщательного анализа приходятъ къ результатамъ, которые сами собою понятны. Поэтому я отказываюсь отъ подобного рода умственной гимнастики и буду только изслѣдовывать явленія въ томъ порядкѣ, какъ ихъ представляетъ война. Если даже всѣ они и находятся во взаимной внутренней связи, то, все-таки, часто невозможно еї указать.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ АРМИИ.

1. Право современныхъ народныхъ армій на существованіе.

Часто раздаются жалобы на то, что современные успехи въ области наукъ и искусствъ направлены также и къ отвратительной цѣли истребленія людей. Вместо того, чтобы этими успехами все выше и выше поднимать нравственность, народы становятся отъ этого все болѣе дикими и готовыми къ насилию; ревностиѣ, чѣмъ когда-либо, думаютъ они о взаимномъ уничтоженіи.

Но подобное мнѣніе только кажется вѣрнымъ. Чѣмъ благороднѣе и лучше становится жизнь народа при посредствѣ культуры, науки, искусства и богатства, тѣмъ болѣе теряетъ онъ въ случаѣ войны, и поэтому вполнѣ послѣдовательно, что онъ долженъ какъ можно болѣе заботиться о лучшей подготовкѣ себя къ войнѣ. Въ опроверженіе этого пельзя указывать на старайшіе образованные народы, которые, при высокомъ уровнѣ культуры, не выказали, однако, особыхъ военныхъ доблестей. Въ такомъ государствѣ внутреннее разложеніе государственной и общественной жизни уже началось, хотя оно спаразжи еще и не замѣтно. Можетъ-быть только умственное развитіе стояло еще на высокой степени, но доброта была уже потеряна. Страсть къ наслажденіямъ и любовь къ роскоши давно уже вытѣснили чувства долга и самопожертвованія и духъ общественности; поэтому и не хватало силъ, чтобы действовать. Въ дѣйствительности проявленіе культуры пойдетъ рука объ руку съ развитіемъ военного могущества, какъ это было въ Греціи и Римѣ. Далѣе, пельзя приводить въ примѣръ такихъ исключений, какъ Англія, военная система которой находится въ несоответствии

номъ отношеніи къ остальному развитію государства. Англія, защищенной моремъ, имѣющей интересы только на морѣ, приходится вести исключительно колоніальныя войны, для веденія которыхъ главнымъ средствомъ служать деньги—самое сильное оружіе Англіи. Къ тому же она держитъ такой флотъ, какъ никакая другая держава въ мірѣ. И все-таки, несмотря на всѣ выгоды своего положенія, она скоро должна будетъ слѣдоватъ за вѣкомъ и позаботиться объ усиленіи своихъ организованныхъ вооруженныхъ силъ; въ противномъ случаѣ, она мало по малу утратить свое могущество и вліяніе на материкѣ.

Во всякомъ случаѣ совершенно естественно, что всѣ великие культурные народы нашего времени стараются все болѣе и болѣе усовершенствовать свое военное устройство, чтобы въ минуту опасности быть въ состояніи безпощадно употребить всѣ свои силы. Время кабинетныхъ войнъ минуло. Теперь рѣшаетъ дѣло не утомленіе одного лица, стоящаго во главѣ націи, или одной какой-либо господствующей партіи, но только истощеніе борющихся народовъ. Французскій народъ утверждаетъ еще нынѣ, что онъ не хотѣлъ войны 1870 года; но, когда имперія, объявившая эту войну, пала, этотъ же самый народъ, все-таки, продолжалъ борьбу до послѣдней крайности. Тотъ же самый человѣкъ, который въ іюль 1870 года самымъ серьезнымъ образомъ предостерегалъ противъ опрометчиво-объявленной войны, сталъ въ сентябрѣ во главѣ арміи и принялъ надъ нею командованіе для продолженія кровавой борьбы. Войны въ настоящее время сдѣлались совершенно национальнымъ дѣломъ. Даже и тотъ, кто лично не одобряетъ войны, считаетъ долгомъ посвятить себя ей всецѣло, когда судьба отечества зависитъ отъ победы или пораженія, и всякий находитъ такой поступокъ добродѣтельнымъ. Столкновеніе интересовъ ведетъ къ войнѣ, но предѣль, до котораго она должна быть доведена, опредѣляется страстиами народа. Какъ и въ прежнія времена, война служитъ политикѣ для достиженія ея цѣлей, но, начатая даже и изъ-за второстепенныхъ цѣлей, она должна имѣть въ виду совершенное пораженіе противника. Сказанное выше приводить къ тому, что для войны нужно пользоваться всѣми средствами, какъ материаль-

ными, такъ и нравственными, чтобы одолѣть противника, и потому совершенно естественно и справедливо подготовлять имѣющіяся средства уже въ мирное время такъ, чтобы въ случаѣ надобности примѣнить ихъ на войнѣ.

Если бы какой-нибудь народъ и захотѣлъ изъ гуманности не доводить дѣла до конца и рѣшился бы остановиться въ примѣненіи своей силы на заранѣе опредѣленной линіи, то, все-таки, онъ противъ своей воли былъ бы увлеченъ далѣе. Никакой противникъ не согласился бы связать и себя подобными же условіями; напротивъ, скорѣе каждый воспользуется добровольною сдержанностью другого, чтобы увеличить свою дѣятельность.

„Человѣколюбивыя души могутъ подумать, что можетъ быть какое-то искусственное разоруженіе и пораженіе противника безъ нанесенія излишнихъ ранъ и что это именно и представляеть образецъ военного искусства. Какъ подобная мысль ни хороша“, говоритъ Клаузевицъ, „но противъ нея надо бороться, какъ противъ заблужденія, ибо въ такомъ опасномъ дѣлѣ, какъ война, тѣ заблужденія, которыя исходятъ изъ добродушія, именно самыя худшія. Такъ какъ употребленіе физической силы въ полномъ ея объемѣ никакимъ образомъ не исключаетъ содѣйствія умственныхъ силъ, то, слѣдовательно, тотъ, кто воспользуется этою силою безпощадно, не жалѣя своей крови, долженъ получить перевѣсь надъ противникомъ, который этого не дѣлаетъ. Такимъ образомъ предписываетъ онъ законъ другому, и оба борются до послѣдней крайности, предѣломъ которой служитъ перевѣсь нравственныхъ силъ какой-либо одной стороны“.

Вышесказаннымъ вполнѣ объясняются взаимныя отношенія. Никакое сознаніе, что жертвы, приносимыя народами для выработки своего военного устройства, ложатся тяжелымъ бременемъ на живущее поколѣніе, ничего тутъ не измѣнить. Тотъ народъ, который первый въ этомъ отношеніи сдѣлалъ бы шагъ назадъ, немедленно потерялъ бы свое положеніе, могуществъ и го лось. Ему пришлось бы нести всѣ издержки по каждому возникающему тренію и, наученный этимъ печальнымъ опытомъ, онъ скоро захотѣлъ бы, по примѣру другихъ, приступить къ своему вооруженію, чтобы наверстать потерянное. Всѣ предложения о разору-

женіи основаны на неправильной оцѣнкѣ настоящей государственной жизни, которая исходитъ изъ соплеменности народовъ. Различные народы, въ виду общности интересовъ, господствующей нынѣ въ каждомъ изъ нихъ, сносятся между собою, какъ отдѣльныя личности, у которыхъ естественное самолюбіе, при наилучшемъ желаніи каждого въ отдѣльности, все-таки, служитъ источникомъ ссоры. Въ нашихъ понятіяхъ невозможно отдѣлить національный эгоизмъ отъ народного величія. Если другія средства не приведутъ къ цѣли, то этотъ эгоизмъ всегда возьмется за оружіе, и никакой третейскій судъ не могъ бы склонить сторонъ къ миру. Только во всемирномъ государствѣ мыслимо нечто подобное, по вѣдь всемирные государства образовываются и поддерживаются войной.

Взаимное недовѣріе народовъ дѣлаетъ предложенія о разоруженіи даже подозрительными. Первое предложеніе такого рода было сдѣлано французскимъ первымъ консуломъ Бонапартомъ посланникамъ Австріи и Пруссіи зимою 1800—1801 года. „Вѣнскій дворъ, конечно, и не желаетъ ничего лучшаго, но затрудненіе заключается именно въ томъ, чтобы склонить къ этому берлинскій дворъ“, былъ остроумный отвѣтъ Австріи. На этомъ вопросѣ и остановится на вѣки. Каждая держава должна требовать отъ другой сдѣлать первый шагъ, на который, однако, ни одна изъ нихъ не согласится изъ опасенія передъ другими; напротивъ, каждая постарается держать свое оружіе наготовѣ.

Только та нація и находится въ безопасности, которая ежеминутно готова съ мечемъ въ рукѣ защищать свою независимость.

Конечно, большиe расходы на содержаніе арміи могутъ привести государство въ истощеніе и тѣмъ самымъ нанести ущербъ его военной силѣ и способности. Выходъ изъ этого положенія является въ настоящее время въ полномъ сплетеніи военной жизни съ народною такимъ образомъ, чтобы первая, по возможности не препятствуя развитію второй, все-таки, могла бы извлекать изъ нея всѣ необходимыя средства. Въ этомъ отношеніи важнѣйшій шагъ сдѣланъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, при которой молодые люди, находящіеся въ рядахъ арміи, отрываются отъ работы лишь на короткое время и, все-таки, арміи дана возможность располагать всѣми способными носить оружіе.

Конечно, съ тѣхъ поръ жертвы, которыя для этого потребовались, возрасли до казавшейся прежде невозможной степени; но и это обстоятельство требуетъ вѣрнаго освѣщенія. Сравнительно съ болѣе старою системою можно констатировать пѣкоторое уменьшеніе жертвъ. Если бы какое-нибудь изъ могущественныхъ государствъ материка захотѣло бы выставить теперь посредствомъ вербовки армію, достаточно сильную, чтобы она могла играть не послѣднюю роль, то издержки на это возрасли бы до огромныхъ размѣровъ.

Какъ сплетеніе военной системы съ народной и государственной жизнью, сравнительно съ достигнутымъ, приводить къ сокращенію жертвъ, такъ и пользованіе успѣхами культуры для военныхъ цѣлей придаетъ войнѣ болѣе гуманности, какъ это ни кажется страннымъ. Врага побѣждаютъ не полнымъ разрушениемъ его существованія, а только уничтоженіемъ въ немъ надежды на побѣду. Для успокоенія сердецъ мы можемъ прибавить, что выражение: „драться до послѣдняго человѣка“ есть только фраза, придающая намѣренію храбро сражаться нѣсколько сильный оттѣнокъ. Странно звучало бы, если бы какая-нибудь армія передъ боемъ дала бы обѣтъ сражаться до потери 20 процентовъ своего состава, хотя, въ сущности, этого было бы болѣе, чѣмъ довольно. Большею частью достаточно вдвое меньшихъ потерь съ той или другой стороны, чтобы решить побѣду. Истребленіе части собраній боевой силы удерживаетъ прочихъ отъ дальнѣйшихъ напряженій и прекращаетъ борьбу. Чѣмъ неожиданнѣе и могущественнѣе дѣйствіе оружія, тѣмъ оно скорѣе устрашитъ, и мы видимъ, что съ усовершенствованіемъ боевыхъ машинъ сраженія становятся въ общемъ все менѣе кровопролитными.

Нынѣшній артиллерійскій снарядъ поражаетъ сразу отъ 10 до 20 человѣкъ и производить такое впечатлѣніе, какое, можетъ быть, достигалось въ прежнія времена только двойнымъ числомъ жертвъ, выбитыхъ изъ строя по одиночкѣ. Подобнымъ же образомъ усилилось и дѣйствіе ручного оружія; его можно считать увеличившимся въ 50 и до 100 разъ относительно того времени, когда шведскіе стрѣлки хвастались своимъ превосходствомъ надъ